

Голод

Наступил ноябрь. Сухие ясные дни октября сменились пасмурными, холодными. Земля покрылась толстым слоем снега, на улицах и проспектах образовались сугробы. Морозный ветер гнал снежную пыль в щели землянок, блиндажей, в выбитые окна квартир, больниц, магазинов. Зима установилась ранняя, снежная и морозная. Движение городского транспорта с каждым днем уменьшалось, топливо подходило к концу, жизнь предприятий замирала. Рабочие и служащие, проживавшие в отдаленных районах города, шли на работу пешком несколько километров, пробираясь по глубокому снегу с одного конца города на другой. По окончании трудового дня, усталые, они едва добирались до дому. Здесь на короткое время они могли сбросить с себя одежду и лечь, вытянув усталые, тяжелые ноги. Несмотря на холод, сон налетал мгновенно, но беспрестанно прерывался из-за судорог ног или натруженных рук. Утром люди с трудом поднимались: ночь не укрепляла их силы, не изгоняла усталости из тела. Когда устаешь от большого, но кратковременного усилия, утомление за ночь проходит, но тут была усталость от ежедневного истощения физической энергии. И вот снова наступает рабочий день, мышцы рук, ног, шеи, сердца принимают нагрузку. Напряженно работает мозг. Затраты сил увеличивались, а питание ухудшалось. Недостаток пищи, наступившие холода и постоянное нервное напряжение изнуряли рабочих. Шутки, смех исчезли, лица стали озабоченными, суровыми. Люди слабели, передвигались медленно, часто останавливались. Краснощекоего человека можно было встретить лишь как диковину, и на него смотрели удивленно и двусмысленно. Если еще несколько дней назад свист и разрывы снарядов возбуждали нервную систему и заставляли настораживаться, то в ноябре на разрывы снарядов мало кто обращал внимание. Громоподобные звуки орудийных выстрелов казались далеким, бесцельным хриплым

лаем. Люди глубоко погрузились в свои нерадостные мысли.

С начала блокады прошло 53 дня. Жесточайшая экономия в расходовании продуктов и небольшой завоз хлеба через озеро позволили сохранить на 1 ноября небольшие остатки продовольствия: муки на 15 дней, крупы на 16, сахара на 30, жиров на 22 дня и совсем мало мяса. Снабжение мясoproдуктами производилось главным образом за счет того, что удавалось завезти самолетами. Все понимали, что продовольствия оставалось мало, так как нормы выдачи сокращались, но истинное положение знали только семь человек во всем городе. Учетом продуктов, поступавших по водному пути, по воздуху и позднее по ледовой дороге, занимались два специально выделенных работника. Данными о поступлении и наличии продовольствия располагал строго ограниченный круг лиц, и это позволяло хранить тайну осажденной крепости.

Наступил канун 24-й годовщины Октябрьской революции. Сколько радостной суеты обычно бывало в этот вечер! Улицы, дома залиты светом огней, витрины магазинов ласкают взор своим убранством и обилием товаров. Яблоки, чернослив, жирные индейки, ветчина, нарезанная тонкими ломтиками, пирожные и множество других не менее вкусных яств манили покупателей. Всяда шла оживленная торговля. Каждая семья готовилась провести в кругу друзей праздничные дни. Шумную радость проявляли дети, возбужденные общим оживлением, предстоящими подарками, театральными зрелищами. В этом же памятном 1941 году ленинградцы лишены были радостей: холод, мрак, ощущение голода не оставляли их ни на минуту. Пустые полки в магазинах вызывали у людей тоску, переходившую в боль. Праздник отметили выдачей детям по 200 граммов сметаны и по 100 граммов картофельной муки, а взрослым — по пяти штук соленых помидоров. Больше ничего не нашлось.

Вечером 6 ноября жители города слушали радиопередачу из Москвы. Передавалось торжественное заседание. С напряжением вслушивались люди в слова И. В. Сталина, затрагивавшие их сокровенные мысли и чувства. На душе становилось теплее, укреплялась вера в победу.

Днем 7 ноября разнеслась новая потрясающая весть — в Москве на Красной площади проходил парад наших войск.

Это был смелый и мудрый шаг. Население нашей Родины, жители осажденного Ленинграда, бойцы, партизаны, советские граждане, оказавшиеся на территории, оккупированной немцами, увидели в этом параде боевую собранность Верховного Главнокомандования, его твердую уверенность в своих действиях. Все это давало людям новые силы в борьбе с захватчиками.

В ночь на 7 ноября противник решил преподнести «подарок» революционному городу: тяжелые бомбардировщики, прорвавшись на большой высоте, беспорядочно сбрасывали тонные бомбы, часть из них с душераздирающим воем падала на дома, превращая их в груды развалин. Немало бомб взрывалось на дне Невы, сотрясая величественные здания, расположенные на набережной, и еще больше бомб глубоко уходило в землю не взорвавшись.

В эту же ночь немцы на больших парашютах (площадью более 50 квадратных метров) сбросили несколько электромагнитных морских мин такого веса и такой взрывной силы, каких они еще не сбрасывали на город. Одна из таких мин упала на завод имени Егорова. Над предприятием, имевшим весьма важное значение для осажденных, нависла страшная угроза. В случае разрыва мины ленинградцы понесли бы тяжелый ущерб. Требовалось немедленно обезвредить мину. Но как? Бойцы МПВО, имевшие к этому времени опыт по борьбе с авиабомбами замедленного действия, совершенно не знали, как подойти к трехметровой морской mine.

Магнитные реле мины могли сработать при подходе к ней со стальными отвертками и ключами, нельзя было также вызывать сотрясение корпуса при разрядке, так как взрыватель с часовым механизмом (как выяснилось позднее) имел кратковременную установку и мог в любую минуту привести к взрыву.

Прибывшие к месту падения мины инженер-капитан А. Ф. Литвинов также не имел никакого практического опыта по обезвреживанию загадочного чудовища. Но времени терять нельзя было. Полагаясь больше на интуицию, он приступил к разрядке морской магнитной мины. В первую очередь Литвинов извлек малые часы (так называемый инерционный взрыватель), затем большой часовой механизм и, наконец, ударный взрыватель. Сложная, требующая исключительного напряжения операция закончилась благополучно. Завод был спасен. Но далеко не везде прошло так удачно обезвреживание мин, немало бойцов в борьбе с этим новым коварным оружием врага погибло. Произошел ряд сильных взрывов.

И все же противник не смог нанести городу большие разрушения. Благодаря самоотверженности таких благороднейших воинов, как А. Ф. Литвинов, А. Н. Ханукаев, Н. М. Лопатин, П. В. Маслов, А. В. Орловский, Я. П. Урбанович и многих других, угроза разрушения заводов от мин была устранена. Трудно на страницах этой книги привести имена всех тех мужественных людей, которые с открытыми глазами, преодолевая страх, шли навстречу смерти во имя святой цели. Их подвиг незабываем. Тысячи людей обязаны им своей жизнью, своим сохранившимся домашним очагом.

Вскоре на основе приобретенного опыта техника обезвреживания магнитных мин была детально разработана и стала достоянием большого круга работников МПВО. Успешная борьба с магнитными минами имела большой моральный эффект среди населения.

Более тяжелые по своим последствиям события произошли на второй день 24-й годовщины Октябрьской революции. 8 ноября моторизованные части неприятеля овладели городом Тихвином, расположенным в 80 километрах на восток от Волхова. Командир 39-го моторизованного корпуса Шмидт, используя подвижность вверенных ему войск, обходным движением дерзко вклинился на большую глубину в нашу оборону, обнажая свои фланги и ставя под удар коммуникации, связывавшие далеко оторвавшиеся войска корпуса от главных сил. Можно предполагать, что захват Тихвина 8 ноября был продиктован скорее политическими соображениями, чем военной подготовленностью немцев к осуществлению данной операции и закреплению ее результатов.

Как известно, немецко-фашистская армия в сентябре не могла силой оружия овладеть Ленинградом. Тогда Гитлер провозгласил новый план — взять город голодом; на голод он смотрел как на своего лучшего союзника по уничтожению населения. Его пропагандистский аппарат с большим шумом ухватился за этот якорь спасения престижа армии, назойливо вбивая в голову немецкого народа и всех «правоверных» за пределами Германии эту мысль.

Шли дни, недели, а город не сдавался. И тогда ставка Гитлера решительно потребовала от командующего группой «Север» продвинуться на восток и перерезать последний путь, связывающий осажденных со страной. Шмидту удалось отбросить обороняющихся и захватить важный железнодорожный пункт Тихвин. Немедленно немецкие газеты, радио, официальные сообщения стали усердно раздувать эту победу. «Теперь Ленинград вынужден будет сдаться без пролития крови немецких солдат», — сообщала германская пресса. Берлинское радио 9 ноября через каждые 30 минут передавало как особо важное сообщение верховного главнокоман-

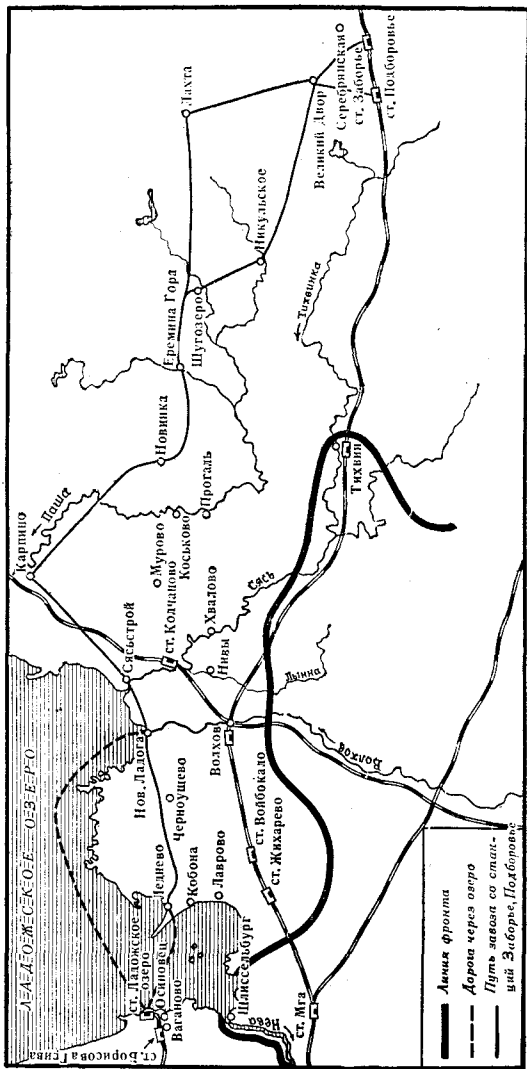

Схема 5

Транспортровка грузов в Ленинград после потери Тихвина.

дования о захвате немецкими войсками Тихвина. Перед началом радиопередач духовой оркестр исполнял торжественный марш. Необычное, театрализованное оформление последних известий вызывало к ним интерес у населения. Вздурораженное общественное мнение в Германии и многих странах мира ждало величайшего события — падения со дня на день твердыни большевиков.

Как бы там ни было — по политическим соображениям или по военному расчету действовали гитлеровцы, — но им удалось нанести удар по весьма чувствительному месту. Потеря Тихвина принесла много бед обороняющимся, и прежде всего в обеспечении войск и населения продовольствием, горючим, боеприпасами. Еще не было опубликовано сообщение о захвате врагом этого небольшого, затерявшегося в лесах Ленинградской области городка, а слух, словно гонимый ветром, передавался от одного к другому, вызывал волнение, озабоченность, неясные представления у осажденных о том, какими путями к ним будут поступать необходимые для жизни и борьбы грузы, надолго ли хватит оставшихся запасов. И для этого беспокойства были глубокие основания. Хлеба оставалось совсем мало, а поезда с провиантом и другими грузами из глубин России после потери Тихвина стали прибывать на небольшие станции Северной железной дороги Подборовье и Заборье, расположенные в 100—120 километрах восточнее Тихвина. Чтобы перевозить грузы с этих станций на автомашинах, необходимо было проложить дорогу в обход Тихвина более чем трехсоткилометровым полукружием до Новой Ладogi по пересеченной лесисто-болотной местности с очень слабо развитой сетью шоссейных и грунтовых дорог. Много сил и времени требовалось для постройки столь дальней дороги, к тому же имелись большие опасения, что новая трасса по своей пропускной способности не сможет обеспечить население и войска продовольствием даже по

самым голодным нормам. И все же, несмотря на эти трезвые расчеты, несмотря на предстоящие мучения с транспортировкой грузов, дорога была нужна защитникам так же, как кислород человеку. После потери Тихвина Военный совет принял решение построить автодорогу по маршруту Осинец — Леднево — Новая Ладога — Карпино — Ямское — Новинка — Еремина Гора — Шугозеро — Никульское — Лахта — Великий Двор — Серебрянская — Заборье — Подборовье с грузооборотом в оба конца 2 тысячи тонн в сутки, с открытием фронтальной перевалочной базы в Заборье (см. схему 5). Строительство осуществляли тыловые воинские части и колхозники прилегающих селений.

Постройка дороги вселяла хотя и слабую, но все-таки надежду на поступление продовольствия и других важнейших грузов по окончании строительства пути. Срок строительства дороги устанавливался к 1 декабря 1941 года. Запасы же продуктов питания в Ленинграде и Новой Ладоге на 9 ноября составляли: муки — на 24 дня, крупы и жиров — на 18, мясопродуктов — на 9 и сахара — на 22 дня.

Кроме этих запасов, небольшое количество мяса, жиров и других наиболее питательных продуктов доставлялось самолетами.

Несмотря на крайне малые остатки, можно было бы прожить до намеченного срока открытия строящейся дороги, не уменьшая норм довольствия населения и войскам. Но, к несчастью, две трети запасов муки, больше половины крупы и все наличие мясопродуктов находилось за озером, которое в это время начало покрываться на мелких местах тонким льдом. По озеру с трудом пробирались только суда военной флотилии, на них перевозили боеприпасы, в которых испытывалась острая нужда, и немного продуктов питания. Прогноз погоды предвещал понижение температуры через пять-шесть суток, однако определить день начала движения по льду было невозможно. Обстановка тре-

бовала уменьшить расход продовольствия незамедлительно. Военный совет, обсудив создавшееся положение, решил сократить нормы выдачи хлеба и мяса всему личному составу войск и морякам Балтийского флота, а гражданскому населению не уменьшать паек.

Принимая такое решение, Военный совет исходил из следующего:

а) жители города и без того получали скудную норму, и дальнейшее уменьшение ее было почти невозможно;

б) солдаты и матросы первой линии получали по 800 граммов хлеба, а солдаты тыловых частей — по 600 граммов и хороший приварок, следовательно, сокращение пайка не так сильно отразится на их физическом состоянии;

в) образуемая экономия от сокращения пайка военным позволит продлить остатки хлеба и прожить до установления зимней дороги через озеро.

Так думали, рассчитывали и надеялись.

8 ноября приказом по войскам вводится новая норма на хлеб и мясо. Для войск первой линии хлеба — 600 граммов в день, мяса — 125. Для тыловых частей хлеба — 400 и мяса — 50 граммов в день.

Рыба полностью исключалась из норм довольствия — ее не было, а заменять другими продуктами не имелось возможности. Рыбные и крабовые консервы засчитывались взамен мяса в равном весе. Картофель и овощи заменялись крупами из расчета 10 граммов крупы за 100 граммов овощей.

Военным советам армий, командирам и комиссарам соединений, частей и учреждений вменялось в обязанность установить строжайший контроль за расходом продуктов, не допуская даже отдельных фактов увеличения норм довольствия в тылах и вторых эшелонах за счет бойцов первой линии. Нарушителей приказывалось привлекать к судебной ответственности. Но беда, словно тень, неотступно стояла за плечами осажденных.

Прошло пять дней, температура воздуха понизилась до 6—7 градусов, но воды Ладоги этим морозам не поддавались, зимняя дорога на озере не устанавливалась, и никто не мог помочь страстному желанию ленинградцев сковать надежным льдом озеро. Все надежды и расчеты Военного совета рухнули. Хлеб подходил к концу. Время начало работать против осажденных. Как ни тяжело и больно было, а пришлось уменьшить выдачу хлеба и населению. С 13 ноября рабочим установили 300 граммов хлеба в сутки, служащим, иждивенцам и детям до 12 лет — по 150 граммов, личному составу военизированной охраны, пожарных команд, истребительных отрядов, ремесленных училищ и школ ФЗО, находившемуся на котловом довольствии, — 300 граммов.

Эта мера позволила довести суточный расход муки до 622 тонн. Однако и на этом небольшом уровне потребления продержались всего лишь несколько дней. Озеро штормило, сильные ветры гнали волны на берег, хрупкий лед ломался. Было ясно, что при такой погоде продовольствие с Новой Ладоги поступит не скоро, а запасы кончатся.

Чтобы не допустить полного прекращения выдачи хлеба и предотвратить паралич города, через семь дней после последнего снижения Военный совет в третий раз в ноябре уменьшает нормы. С 20 ноября рабочие стали получать в сутки 250 граммов хлеба, служащие, иждивенцы и дети — 125, войска первой линии, личный состав боевых кораблей и летно-технический состав ВВС — 500, все остальные воинские части — 300 граммов¹. Теперь

¹ В сборнике «Город великого Ленина» (Лениздат, 1957, стр. 110) указано, что с 20 ноября бойцы и командиры на передовой линии получали по 300 граммов хлеба в день, все остальные — по 150 граммов. Это явная ошибка. Автор статьи Ф. И. Сирота не учел, что, кроме хлеба, с 20 ноября по

суточный расход муки (вместе с примесями) составлял 510 тонн, то есть был самым минимальным за все время блокады. Для населения в 2,5 миллиона человек расходовалось всего 30 вагонов муки, но и за них пришлось жестоко бороться с врагом и стихией.

Урезка хлебного пайка за короткий срок более чем на одну треть пагубно сказалась на здоровье людей. Рабочие, служащие и особенно иждивенцы стали испытывать острый голод. Мужчины и женщины блекли, передвигались медленно, говорили тихо, их внутренние органы разрушались. Жизнь покидала истощенное тело. В эти дни смерть вытянулась во весь свой безобразный рост и насторожилась, готовая массами косить приближающихся к ее тропе людей, не считаясь ни с полом, ни с возрастом.

При таких невероятных испытаниях, далеко превосходящих все пережитое за годы первой мировой войны, за годы тяжелой разрухи после гражданской войны, нравственные силы населения оставались непоколебимыми. Даже теперь, спустя четверть века, трудно осознать, как люди смогли перенести столь длительный острый голод. Но истина остается неоспоримой — ленинградцы нашли в себе силы устоять и сохранить город.

* * *

За 107 дней блокады (на 25 декабря) суточный расход муки был сокращен более чем в четыре раза при почти неизменном количестве жителей.

11 декабря 1941 года согласно постановлению Военного совета Ленфронта от 19 ноября 1941 года производилась еще выдача сухарей — войскам первой линии по 100 граммов и остальным по 75 граммов, что в переводе на хлеб означало соответственно 200 и 150 граммов. С 12 декабря выдача сухарей была прекращена, и войска стали опять получать только хлеб — соответственно 500 и 300 граммов.

В бомбоубежище во время воздушной тревоги.

Население ликвидирует последствия бомбардировки.

Февраль 1942 года. Объявления об обмене вещей на продукты.

На Невском. 1942 год.

Здание Театра оперы и балета имени Кирова
после бомбардировки.

Весна 1942 года. Лед еще крепок, но перевозки с каждым днем становятся труднее.

Эшелоны с продовольствием в Кобонском порту. Слева — генерал-майор А. М. Шилов.

Возобновилось движение грузовых трамваев. На трамвай грузят сколотый лед.

Кобона. Отсюда продовольственные грузы автотранспортом доставлялись на другой берег озера.